

Николя Неподкосимый, или Страна столетних

— **А** ДЮШКА Камюзé,
море спокойно,
ночь ясна, расска-
жите мне какую-нибудь историю.

— Что же вам рассказать,
дорогой? Для таких людей, как
вы, парижане, которые могут
прочитать рассказы поновее и
поинтереснее в ваших книгах

и журналах, мои истории — это просто чепуха какая-то.

— А это мы посмотрим, не заставляйте себя просить. Все говорят, что в своё время вы славились как самый интересный рассказчик.

— В своё время, в своё время! — заворчал старый моряк, выбивая трубку о бортик рыбацкой лодки. — То время было, да сплыло. Молодёжь ходит в кино да на танцы, старики же летом греются на солнышке, а зимним вечером садятся в кресло у камина и сидят, уставившись в огонь, до самого ужина. Кто по кабачкам ходит, кто в карты режется, кто пиво пьёт, кто политику обсуждает — такая теперь жизнь. А что до былых времён, на них-то мода прошла и уж точно не вернётся. Умерла она вместе со стариками, которых я знавал с раннего детства.

Вот они могли рассказать такие истории — закачаешься! У нас глаза загорались, как лампочки, ушки были на макушке, мы ёжились и тёрли себе голые руки, потому что по коже ползли мурашки. Была, помню, одна старуха — её звали Фирминия — до чего колоритная особа! У неё была жёлтая кожа, маленькие запавшие глазки, нос крючком, лицо и шея в глубоких морщинах — ни дать ни взять тощая курица, которую передержали в духовке. Но она прихорашивалась: ходила в кудряшках и в плиссированной юбке.

— И рассказывала истории?

— Рассказывала — не то слово. Молола и молола, как заводная. У неё уж зубов во рту не осталось, а язык работал без остановки. И что это был за язык, люди добрые! Другого такого во всей Пикардии¹ не сыщешь.

Дядюшка Камюзе помолчал, шмыгнул носом и опустил голову, а затем поднял руку, словно отмахиваясь от всплывающих перед глазами видений и воспоминаний о старых добрых временах:

— Да, так... так... ну, хватит!

Он замолчал, грустно сгорбившись. Затем медленно вытащил из кармана кисет, набил трубку табаком, умял его в чашечке трубки большим пальцем и поднял глаза к усеянному звёздами небу:

— Эй, месье Шарль! Смотрите, этот шалунишка ветер совсем ослаб! Извольте немного налечь на румпель и удерживайте его, если

¹ Пикардия — провинция в северной Франции с центром в городе Амьен.

не хотите, чтобы наша лодка застыла на месте. Вы же видите, что парус обвис.

Я послушался. Лодка стала лениво поворачиваться в поисках ветра, но вскоре снова замерла, словно увязнув в густом масле.

Старый моряк встал и, послунявив указательный палец, поднял его кверху:

— Историю, говорите? Главная история в том, куда делься ветер! Его больше нет, полный штиль! Можно подбросить вверх пёрышко, и оно сядет вам на нос. Придётся налечь на весла, месье Шарль. А ну-ка...

Он снова сел и склонился над лежащими на дне лодки вёслами.

— Да по́лно вам, дядюшка Камюзе, зачем тратить столько усилий? Покачаемся на волнах, нам торопиться некуда.

— А как же рыбная ловля? Сейчас самое время! Если хотите наловить рыбы, надо пойти туда, где клёв хороший, — а мне такие места хорошо известны.

— Да не так уж я сильно хочу рыбу ловить. Попозже, если вы не против. Отдохнём вместе с ветром. А пока он не поднялся, расскажите мне какую-нибудь историю. На фоне такой роскошной тишины...

Дядюшка Камюзе перебил меня:

— Да-да, штиль наступил мёртвый. Это правда, в такую ночь только истории и рассказывать...

— Так чего же мы ждём? Пожалуйста!

— Ну, ладно. Слушайте меня и не забывайте: это не я рассказываю, а старая Фирминия.

Дядюшка Камюзе откашлялся, сделал несколько затяжек и начал:

— Случилась эта история много-много лет назад, когда даже ещё не родилась прабабка старухи Фирминии. Жил в Пикардии один красавец-моряк по имени Николя. Вы, может, спросите: а какая у него была фамилия? Так вот, имейте в виду, что в прежние времена порядки были другими. Тогда ни у кого, кроме как у барона, владельца окрестных земель, никаких фамилий не было. Людям давали прозвища, которые прицеплялись к ним на всю жизнь. Парней по

имени Николя в деревне было хоть отбавляй. Различали их по-всякому: по цвету волос, по чертам лица, по фигуре, по характеру, по уму, иногда по месту, где они родились и жили. Вот какие у них были клички: Николя Чёрный, Рыжий, Косой, Кривой, Верзила, Малыш, Силач; Николя с Моста (Дюпон), с Поляны (Дюпре), со Взморья (Де ля Грев), с Мельницы (Дю Мулен); Николя Хитрый, Красивый, Безумный, Глупый и ещё шут знает какие! Того парня, о котором пойдёт речь, звали Николя Неподкосимый.

— Забавная кличка! За что же его так прозвали?

— А за то, что в один прекрасный вечер его хотела подкосить Смерть, собственной персоной, но он от неё отбилась — можно сказать, чуть шею ей не свернул. Да-да, хоть это и кажется невероятным. Так, по крайней мере, он сам рассказывал. А поскольку никто этого рассказа опровергнуть не мог, почти вся деревня в него поверила. Были, правда, злые языки, утверждавшие, что история его схватки со Смертью — сплошная выдумка и обман; что он, скорее всего, подрался на кулаках с Бернаром-Косцом, парнем с соседней фермы — длинным и тощим, как смерть, с которым они вместе напились, а потом поссорились. Возможно. Но у Николя Неподкосимого и без того бывали всякие приключения из разряда, так сказать, потусторонних — в чём вы убедитесь из дальнейшего повествования, так что одной подобной встречей больше, одной меньше — какая разница? А вот как, кстати говоря, было дело.

Николя, неплохо повеселившись в таверне, возвращался домой через болото. Ночь была такая глухая, что даже кошка, хоть этот зверь прекрасно видит в темноте, не разглядела бы своих котят. Но он шёл по дорожке, во всю глотку распевая песни, несмотря на то что иногда замачивал себе ноги, если нечаянно сбивался с тропы.

И вот, когда дорожка пошла в бок, огибая заросли кустов, из-за облаков высунул нос прятанный до тех пор месяц. Что же видит наш Николя шагах в десяти перед собой? Навстречу ему — какой-то долговязый тип в широкополой шляпе, в плаще и с косой через плечо: вроде как пастух или косец. Идёт и кричит:

— Эй, ты, деревенщина, прочь с дороги!

А надо заметить, что дорожка была узкая — двоим не разойтись. Наш Николая не сробел. Он не привык, чтобы им командовали, и, разозлившись, крикнул в ответ:

— Сам вон с дороги, мозгляк страховидный, пока я тебя с неё не столкнул!

Долговязый расхохотался, схватил свою косу и стал на месте, как вкопанный, готовясь пустить её в ход.

Николя, не робев, закатал рукава рубахи и двинулся вперёд. Но я бы вас обманул, если бы сказал, что волосы не поднялись у него дыбом, а по спине не пробежал ледяной холодок, когда он разглядел своего противника поближе. У того не было ни носа, ни щёк, ни ушей, ни глаз: только чёрные глазницы, в глубине которых горели два огонька; под носовой впадиной всеми зубами скалилась безгубая пасть; а тело состояло из одного скелета, не покрытого ни мышцами, ни кожей!

— Проклятие! — вырвалось у Николая: он понял, что перед ним сама Смерть.

— Ха-ха! — загоготал косец и голосом, похожим на чирканье кремня (ведь у него не было ни горла, ни языка), насмешливо добавил: — Узрел наконец, с кем имеешь дело! Ну что, небось, наглости поубавилось, а, парнишка? Ладно, в этот раз не буду с тобой связываться. Но впредь не советую становиться у меня на пути. Давай, посторонись, да поживее! Меня ждут важные люди; нет у меня ни времени, ни охоты препираться с деревенскими мужиками!

— Ах, вот оно что, — только и пробормотал Николая, хитро подмигнув глазом.

Так он получил короткую передышку, чтобы собраться с силами. Но Смерть ждала его недолго:

— Ну что ж, тем хуже для тебя, сам напросился!

И с этими словами она схватилась обеими руками за косу и молниеносным движением швырнула её под ноги наглецу. Но наш Николая был увёртлив: он подпрыгнул на месте, и коса прошла у него под ногами, не задев подошвы. Брошенная со всей силы, она со звоном улетела шагов на десять позади него, высекая искры из камеш-

ков. Смерть ринулась вперёд, чтобы подобрать косу, но не тут-то было: Николая наскочил на старуху и всеми десятью пальцами вцепился ей в шейные позвонки. Он стал трясти костлявую так, что у неё только чудом не сломалась шея.

Скелеты, видно, не слишком хорошо держатся на ногах, потому что Николая быстро повалил безносую наземь. Стали они кататься, сцепившись, по земле; Смерть оказывалась то сверху, то снизу. А Николая, не разжимая пальцев, долбил её черепом по камням с такой силой, словно молотком орех разбивал (так он потом рассказывал).

Возились они долго. Наконец Николая одержал верх. Весь в синяках и царапинах, истекая потом, поднялся он на ноги. Отерев ладони, упёр руки в боки и стал над Смертью, которая, распластавшись на хребте, только охала и кряхтела. Она никак не могла отдышаться и даже была не в силах что-нибудь проклацать челюстями.

— Ну как, Безносая, получила на орехи, а? Может, ещё надавать? Сдаёшься или нет?

Смерть только молча кивнула и уставилась на Николая огоньками из глазниц, трепетавшими, как пламя свечек на ветру. Глядя на неё в таком беспомощном состоянии, наш герой, у которого была горячая голова, но доброе сердце, проникся жалостью. Он сделал несколько шагов, подобрал косу и, вернувшись, положил её рядом со Смертью.

— Вот тебе твоё оружие. Маленько об камни затупилось, кажется, но беда не велика: приглядываться никто не будет, а дело своё она всё равно делает! Работёнка у тебя, скажу я, не сахар. Обильный урожай надо собрать — и весь в одиночку! Да и косить приходится всех подряд: молодых и старых — кто ни попадись на дороге. Ладно, поднимайся потихоньку. Не спеши. Ещё четверть часика — и в путь. По крайней мере, пока сама очухаешься, дашь передышку похоронным колоколам, могильщикам и плакальщицам. Что ж, Безносая, на этом прощай. Не держи зла!

— Нет, Николая, не прощай, а до свидания, потому что мы с тобой ещё точно встретимся! — проскрипела Смерть.

— Куда ж от тебя денешься! Но позволь маленький совет: прежде чем отправляться за мной, подожди ещё годков этак семь — нет,

лучше восемь — десятков. Вот когда я совсем ослабну от старости и в руках, и в ногах — приходи: тогда ты меня возьмёшь легко, я и охнуть не успею!

— Будь по-твоему, Николя! Доживёшь до глубокой старости.

— Большое спасибо, Косая. Моё почтение!

И, сделав шуточный реверанс в сторону противницы, которая всё ещё валялась на земле, наш удалец направился восвояси и затащил во всё горло прежнюю песню, продолжив её в точности с того места, на котором прервался, когда увидел Смерть.

Вернувшись в деревню, он как ни в чем не бывало улёгся в кровать. И, хотя в рукопашной изрядно намял себе бока, от бессонницы не мучился, а тут же заснул.

Лишь на следующий день рассказал он друзьям и соседям про то, как лунной ночью, идя через болото, встретился со Смертью, как старуха хотела его подкосить и как он «надавал ей на орехи».

С тех пор к нему и приклеилась кличка — Неподкосимый.

Дядюшка Камюзе на несколько минут замолчал: он выколотил трубку, а затем снова набил и разжёг её. Выпуская изо рта облачка дыма, он будто вглядывался мечтательными глазами в мираж этой старой легенды. Потом перевёл взгляд на меня и медленно произнёс:

— Да-да, месье Шарль, именно так рассказывала про это бабка Фирминия. Господи, как же давно это было!

Я не стал отвечать, опасаясь разрушить очарование повести. Слова старого моряка были обращены не столько ко мне, сколько к нахлынувшим на него воспоминаниям детства. Я ограничился кивком головы, чувствуя, что с губ рассказчика вот-вот слетит продолжение истории.

И он продолжил, задумчиво опершись локтем о борт лодки:

— Ох, уж этот Неподкосимый, я вам доложу! От него чего угодно можно было ожидать. Представьте себе, иной раз возьмёт и куда-то

исчезнет из деревни аж на несколько месяцев. А один раз и того пуще — пропал на несколько лет. Никто о нём ничего не слышал, и все решили, что бедняга умер. Но вот в один прекрасный день он объявился снова — такой же бравый и весёлый, как прежде. И столько он всякого о себе порассказал своим односельчанам, что у тех челюсти отваливались!

Вздумай я пересказать вам все его байки, вы бы слушали до зари, а у меня бы типун на языке вырос. Однако была одна история, которую старая Фирминия любила повторять чаще всех. Я её слышал столько раз, что выучил почти наизусть и могу вам её пересказать, ничуть не напрягая память.

Скажу вам, месье Шарль, что у нашего Неподкосимого голова была такая же крепкая, как и кулаки. Он имел смелое и доброе сердце, но был упрям, как осёл, легко приходил в ярость и часто лез на рожон. Однажды в рыбный сезон подрядился он матросом на парусник «Ласковое море», но оказался таким неуживчивым, что капитан не знал, что с ним делать. На всё-то Николя жаловался: на кормёжку, на работу, на усталость, даже на плохую или хорошую погоду. В разговорах с другими матросами он всячески стремился посеять в их душах недовольство и смуту. Коротко говоря, исподволь подстрекал команду к бунту.

Беря пример с Николя, матросы переставали слушаться старших моряков, выполняя приказы только из-под палки, отлынивали от работы и роптали на всё, что можно. Все попытки капитана, человека порядочного, доброго и терпеливого, урезонить Николя и призвать его к дисциплине ни к чему не приводили. И вот, когда терпение у капитана лопнуло, он вызвал строптивного матроса к себе и сказал:

— Мальчик мой, представь себе, что ты пастух. Если бы у тебя в стаде оказалась паршивая овца, что бы ты сделал?

— Попробовал бы её вылечить.

— А если бы у тебя это не получилось?

— Зарезал бы её — с болью в сердце, конечно, потому что пастух любит своих овечек; но что поделаешь, если не хочешь, чтобы зараза попортила всё стадо?